

Нельзя сомневаться в том, что современные читатели находят безвкусными все биографии, в центре внимания которых находится патология. Они говорят, что, изучая личность великого человека с этой точки зрения, никогда нельзя прийти к пониманию его значения и его деятельности; поэтому бесполезно рассматривать именно на его примере то, что с таким успехом можно найти у любого человека. Но подобная критика так очевидно несправедлива, что ее можно понять только как лицемерную отговорку. Наш труд вообще не ставит целью растолковать деятельность великого человека, и нельзя же кому-то ставить в упрек, что он не исполнил того, чего вовсе не обещал. Истинные мотивы этого противодействия совсем другие. Их можно разгадать, если принять во внимание, что биографы привязаны к своему герою особым образом. Они часто выбирают кого-нибудь предметом своего изучения в силу субъективных чувств — любви, восхищения и т. д. Потом они всячески стараются его идеализировать, дабы приблизить великого человека к своим инфантильным образцам, например, вновь воскресить детское представление об отце. Осуществляя это желание, они стирают в личности того, о ком пишут, все индивидуальные черты, сглаживая следы жизненной борьбы с внутренними и внешними препятствиями, не признают в нем, никаких человеческих слабостей и несовершенств и дают нам тогда холодный, неземной, отвлеченный образ вместо "человека, в котором мы могли бы почувствовать родственную душу. Жаль, что они так поступают, ведь таким образом они жертвуют истиной во имя иллюзии и в угоду своей инфантильной фантазии пренебрегают случаем проникнуть в чудесные тайны человеческой природы.

Сам Леонардо со своей любовью к истине и стремлением к знанию не отказался бы от попытки распознать по маленьким странностям и загадкам своей натуры условия душевного и интеллектуального развития. Учась у него, мы тем самым воздаем ему почести. Мы не умаляем его величия тем, что изучаем жертву, которой потребовало его развитие из ребенка, и сопоставляем моменты, наложившие черты трагических неудач на его личность.

Мы твердо заявляем, что никогда не причисляли Леонардо к невротикам или, по неудачному выражению, к „нервнобольным". Кто недоволен, что мы вообще отважились подойти к нему с методами патологии, тот еще крепко держится за предрассудки, от которых мы уже давно отказались. Мы уже не думаем, что можно провести резкую границу между здоровьем и болезнью, между нормой и неврозом. Мы не считаем, что невротические черты в человеке должны рассматриваться как доказательство общего его несовершенства. Мы знаем теперь, что невротические симптомы служат заместителями определенных вытесненных действий, которые мы должны выполнить в период нашего развития из ребенка в культурного человека, и у каждого из нас происходят подобные замещения и только их число, интенсивность и распределение дают на практике понятие о болезни и позволяют делать заключения об органическом несовершенстве.

По мелким признакам в личности Леонардо мы должны признать его близким к тому невротическому типу, который мы называем типом навязчивых состояний, его исследования приравнять к навязчивым мечтаниям невротиков, его вечные колебания и нежелание завершать — к так называемым гипобулиям.

Целью нашей работы было объяснить механизм тормозящих запретов в сексуальной

жизни Леонардо и его художественной деятельности. Позволим себе сделать общий обзор всего, что мы могли установить в ходе изучения развития его психики. У нас нет возможности проникнуть в его наследственность, но зато мы узнали, что случайные обстоятельства его детства оказали на него отрицательное влияние. Его незаконное рождение устраняет его почти до пятилетнего возраста от отца и отдает нежным заботам матери, для которой он является единственным утешением. Заласканный ею и благодаря этому преждевременно сексуально развившийся, он неизбежно должен был вступить в фазу инфантильной половой деятельности, из которой достоверно одно-единственное проявление — это интенсивность его инфантильного сексуального исследования. Влечение подсматривать и знать наиболее возбуждалось его ранними детскими впечатлениями; эрогенная ротовая зона приобретает значение, которое сохраняется навсегда. Из элементов поведения Леонардо в более поздние годы, таких как чрезмерная жалость к животным, по принципу противоположности мы можем заключить, что в раннем детстве имелись и сильные черты садизма.

Энергичное усилие вытеснения обрывает это детское увлечение и устанавливает предрасположения, которые должны проявиться в период полового созревания. Отвращение ко всему грубо чувственному — самый наглядный результат превращения; Леонардо может жить отшельником и казаться бесполом. Когда волны полового возбуждения проснулись в юноше, они не сделали его больным, толкая его к дорогим и вредным заменителям; большая доля либидо, благодаря раннему появлению сексуальной любознательности, смогла сублимироваться в стремление к познанию вообще и таким образом избежала вытеснения. Много меньшая часть либидо осталась для сексуальных целей и представляла собой у взрослого Леонардо атрофированную сексуальную жизнь. Вследствие вытеснения влечения к матери эта маленькая часть превращается в гомосексуальность и выражается в идеальной любви к мальчикам. В подсознании остается привязанность к матери и счастливые воспоминания об их отношениях, но это застывает в пассивном состоянии. Таким образом распределяется между вытеснением, инфантильной привязанностью и сублимированием сумма полового влечения в душе Леонардо.

Из темного детства Леонардо предстал перед нами художником и скульптором. Это специфическое дарование могло усиливаться благодаря раннему пробуждению в первые детские годы стремления подсматривать. Нам хотелось бы показать, каким образом художественная деятельность исходит из основных душевных влечений, если бы именно здесь не оказывались негодными наши средства. Поэтому мы довольствуемся выяснением едва ли еще спорного факта, что творчество художника дает выход также и его сексуальному влечению, и указываем на сведения о Леонардо, сообщенные Вазари, что головы улыбающихся женщин и красивых мальчиков, т. е. изображения его сексуальных объектов, были его первыми художественными опытами. Вначале, в юношеском возрасте, Леонардо работает, кажется, свободно, без задержки. В своей внешней жизни он берет за образец отца, и в Милане, где судьба послала ему заместителя отца в лице герцога Людовико Моро, он переживает время мужской творческой силы и художественной продуктивности. Но вскоре на его примере подтверждается, что почти полное подавление реальной половой жизни не создает наиболее благоприятных условий для деятельности сублимированной сексуальности. На этой деятельности отражается реальная сексуальная жизнь, поэтому активность и

способность к быстрым решениям начинают ослабевать. Склонность к колебаниям и затягиванию, видимо, идет не на пользу уже в „Тайной Вечере" и в конечном счете обрекает на печальную судьбу это великое произведение. Так мало-помалу совершается в нем процесс, который можно сравнить с регрессированием у невротиков.

Развившийся к периоду полового созревания художник был побежден сложившимся еще в детстве исследователем; вторая сублимация его эротического влечения отступает перед образовавшимся раньше первым вытеснением. Он становится ученым; вначале в связи со служением своему искусству, потом независимо от него, и, наконец, отринув его.

Потеряв покровителя, заменившего ему отца, испытывая житейские тяготы, Леонардо все больше попадает под власть этого регрессивного замещения. Он начинает испытывать отвращение к живописи („раздражение от кисти", — как пишет корреспондент герцогини Изабеллы д'Эсте, очень желавшей иметь еще одну картину кисти Леонардо). Его далекое детство получило над ним власть. Но его ученые занятия, заменившие ему теперь художественное творчество, носят на себе, по-видимому, некоторые отличительные признаки деятельности бессознательных влечений — ненасытность, непоколебимое упрямство, нежелание приспособиться к обстоятельствам.

На вершине зрелости, после пятидесяти лет, в том периоде, когда у женщины половая жизнь прекращается, а у мужчины либидо делает нередко еще один энергичный рывок, в Леонардо происходит новая перемена. Еще более глубокие пласты его души вновь приходят в движение, и эта новая регрессия благоприятна для него, готового угаснуть, художественного творчества.

Он встречает женщину, которая пробуждает в нем воспоминания о счастливой, блаженно-восторженной улыбке его матери, и под этим влиянием в нем вновь прссьшается влечение, которое возвращает к первым художественным опытам, к изображению улыбающихся женщин. Он рисует „Монну Лизу", „Святую Анну втроем" и несколько странных картин, персонажи которых отмечены той же загадочной улыбкой. Так, благодаря самым ранним своим эротическим переживаниям, празднует он триумф, еще раз преодолевая своим искусством тормозящий запрет. Эта последняя фаза его развития расплывается для нас во мраке приближающейся старости.

Интеллект да Винчи поднялся еще ранее до высших ступеней, и его мировоззрение намного опередило свое время.

Выше я раскрыл причины, дающие право именно так понимать ход развития Леонардо, расчленив подобным образом его жизнь, объяснить его колебания между искусством и наукой.

Если в связи с этой монографией мне придется даже от друзей и знатоков психоанализа услышать обвинение в том, что я написал просто психологический роман, то я отвечу, что, разумеется, не переоцениваю достоверности моих выводов. Я, как и другие, поддался обаянию, исходящему от этого великого и загадочного человека, в натуре которого чувствуются могучие страсти, проявлявшиеся, однако, только в таком странно приглушенном виде.

Но, какова бы ни была истинная жизнь Леонардо, мы не откажемся от попытки ее обосновать психоаналитически, пока не решим другой вопрос. Нам необходимо определить в общих чертах границу задач психоанализа, чтобы не считать крахом каждый случай невозможности объяснить то или иное в жизнедеятельности

исторической личности. Материалом для психоаналитического исследования служат факты биографии, а также случайные события и воздействия внешней среды, с одной стороны, и сведения о том, как реагирует на них индивидуум, с другой.

Опираясь на знание психического механизма, психоанализ пытается понять сущность индивидуума в динамике по его реакции, открыть его изначальные побудительные мотивы и их дальнейшее превращение и развитие. Если это удастся, то по взаимодействию характера и судьбы, субъективных и объективных факторов выясняется жизненное поведение личности. Когда же такая попытки (как, возможно, в данном случае) не приводит к правильным выводам, то причина здесь не в ошибочности и скудости сведений об этой личности. В неудаче, следовательно, виноват только автор биографии, заставивший психоанализ иметь дело с таким неудовлетворительным материалом.

Но даже имея в своем распоряжении обширный исторический материал и при хорошем знакомстве с психическим механизмом, психоаналитическое исследование в двух важных пунктах не сможет доказать закономерность того, что индивидуум стал таким, а не иным.

Мы считаем несомненным, что случайность незаконного рождения Леонардо и страстная любовь к нему матери имели решающее влияние на формирование его характера и его позднейшую судьбу в силу того, что наступившее после этой детской фазы сексуальное вытеснение переключило, су бли миров ало либидо в страсть познания и обрекло в течение всей жизни на сексуальную пассивность. Но это вытеснение после первого эротического детского удов л ет в о р е н и я не должно было наступить неизбежно; у другого оно, может быть, не наступило бы совсем или выразилось бы в гораздо меньшей степени. Мы вынуждены признать здесь известную долю свободы, которую психоанализ не способен предсказать. Так же мало можно предвидеть результат этого вытеснения в качестве единственно возможного. Другому, вероятно, не посчастливилось бы удержать главную часть либидо от вытеснения, сублимируя его в любознательность; сходные обстоятельства другого заставили бы надолго прервать работу мысли или создали бы устойчивое предрасположение к неврозу навязчивых состояний. Две особенности Леонардо остаются необъяснимыми средствами психоанализа: его необычайная склонность к вытеснениям и его выдающаяся способность к сублимированию примитивных влечений.

Влечения и их превращения — это самое большое, что доступно психоанализу. Дальше он уступает место биологическому исследованию. Склонность к вытеснению, так же как способность сублимировать, мы вынуждены отнести к органическим основам характера, на которых воздвигается психическая надстройка. Так как художественный дар и работоспособность тесно связаны с сублимированием, мы должны прибавить, что и сущность художественной деятельности также недоступна психоанализу. Современная биология склоняется к объяснению главных черт конституции человека соединением мужского и женского начал в его организме; красивая наружность Леонардо и то, что он был левшой, дают для этого некоторые основания. Но не будем покидать почву чисто психологического исследования. Нашей целью остается по-прежнему нахождение связи между внешними переживаниями и реакцией на них личности с ее влечениями. Если психоанализ и не объясняет нам истоков художественного творчества Леонардо, он все же делает понятным проявления слабых сторон его таланта. Думается все же, что только человек, переживший детство Леонардо, мог написать „Монну Лизу" и „Св. Анну

втроем", обрекать свои произведения на столь печальную участь и так неудержимо прогрессировать в области знания, словно ключ к пониманию всех его творений и неудач таится в детской фантазии о коршуне.

Но разве можно положиться на результаты исследования, которое приписывает такое выдающееся значение в судьбе человека случайностям положения родителей (судьбы Леонардо, например, ставят в зависимость от его незаконного рождения и бесплодия его первой мачехи) ?. Я думаю, этот упрек несправедлив; мнение, будто случайность недостойна решать нашу судьбу, возвращает нас к мирозерцанию, победу над которым подготавливал Леонардо, утверждая, что Солнце недвижимо. Нас, конечно, обижает, что праведный Бог и благое Провидение не охраняют нас лучше от подобных влияний в самый беззащитный период нашей жизни. При этом мы охотно забываем, что, в сущности, все в нашей жизни случайно, начиная от нашего зарождения вследствие встречи сперматозоида с яйцеклеткой. Поэтому случайность есть часть закономерности и необходимости природы и не зависит от наших желаний и иллюзий. Еще нельзя во всех подробностях определить и разграничить, что в нашей жизни обусловлено необходимостями нашей физиологии, а что — случайностям нашего детства, но в целом не может быть сомнения в важном значении именно первых наших детских лет.

Мы все еще недостаточно восхищаемся природой, которая, по неясным словам Леонардо, похожим на речи Гамлета, „полна неисчислимых причин, которые никогда не подвергались опыту". Каждый из нас, человеческих существ, есть один из бесчисленных экспериментов, в которых эти „причины" природы должны быть подвергнуты практическому исследованию.